

Дворовые помещиков Рязанской губернии в первой половине XIX в.

Корчмина Е.С.

Вопрос о положении дворовых людей, как правило, включается в исследования истории крепостных крестьян, но современники выделяли эту категорию зависимого населения, и не называли их крепостными крестьянами¹. При этом у них не было четкого представления об этой прослойке общества, хотя численность дворовых достигала по некоторым данным более миллиона человек². Дворовые являлись необходимой частью жизни, как богатых, так и бедных дворян на протяжении XVIII – XIX вв. Историография вопроса незначительна, из крупных дореволюционных авторов назовем В.И. Семевского, который посвятил дворовым отдельную главу 2-го тома³. В целом описаний жизни дворовых и отношения к ним мы находим в мемуарах⁴.

В чем научная ценность обращения к проблеме дворовых, помимо того, что тема мало исследована. Дворовые были неотъемлемой частью жизни дореформенного общества. Они представляли собой очень специфическую прослойку «подневольного» населения императорской России, в которой проявилось их неустойчивое положение близости к привилегированному сословию, с одной стороны, и абсолютно бесправному населению - с другой.

Задачей данной работы является исследования феномена жизни дворовых на основании впервые вводимых в научный оборот архивных документов, что поможет наметить основные направления исследования данной социальной группы. Источниковой базой стали в основном делопроизводственные документы, сосредоточенные в фондах Государственного архива Рязанской области (далее ГАРО): Рязанской казенной палаты, уездных судов и уездных предводителей дворянства.

Словосочетание «дворовый человек» имеет давнюю традицию употребления, так дворовыми людьми в Древней Руси назывался придворный штат великих князей. В конце XVII - XIX вв. так стали называть особую категорию крепостных, которые не имели земли и жили полностью на содержании хозяев. Даже небогатый помещик мог содержать несколько десятков человек крепостной прислуги. Во главе дворовых стоял дворецкий. Он был обязан следить за порядком в доме, за подачей блюд при обеде. Иногда его называли по-французски «мажордом». В штат дворовых входили камердинеры - комнатные слуги, в просторечии – «комардины», «камельдины» и т.п. «Стремянными» назывались слуги на конях, сопровождавшие господ во время их поездок верхом, в т.ч. на охоте⁵. Таким образом, дворовые, как давно существующая категория слуг, имела сложную структуру. «Первостепенную прислугу – «дворовую аристократию», в число которой входили и дядьку сыновей хозяина, а также няни и кормилицы, - прочая дворня звала по имени-отчеству и всегда вставала в её присутствии»⁶. Но в данной статье мы будем говорить о дворовых, как общей категории крепостных.

Начиная с XIX в., правительство пыталось законодательно урегулировать статус дворовых. При Александре I появляются проекты с целью улучшения положения дворовых, которые, правда, не были реализованы. Так, кн. П. Зубов считал, что дворовых нужно объединить в цехи, с тем, чтобы казна по желанию их владельцев выкупала их. П.Д. Киселев в проекте 1816 г. как и В.П. Кочубей, говорил о необходимости запрета перевода крестьян в дворовые.

2 мая 1833 г. появляется указ, направленный на запрещение продавать дворовых людей за долги и казенные взыскания, а также передавать их в другие руки с раздроблением семейства, частью которого признавались также неженатые сыновья и незамужние дочери⁷. Отметим, что этот указ принимался с целью обеспечить действие указов 5 августа 1771 г.⁸ о запрещении продавать людей без земли с молотка и 28 января 1798 г., по которому дворовые могли поступать в казенное ведомство с выплатой денег за душу.⁹ В 1840 г. был создан секретный комитет, который был призван решить вопрос, стоит ли вносить изменения в положение дворовых. Но в том же году вопрос был отложен

до 1843 г., когда министру внутренних дел Л. Перовскому было поручено составить новый проект о дворовых. В 1844 г. с этой целью был создан второй комитет. Результатом его деятельности стало издание указов от 4 и 10 июля 1844 г.¹⁰ о праве помещиков отпускать дворовых по обоюдному договору и об освобождении дворовых людей из имений, заложенных в банковских учреждениях. Но принятие этих указов не оказало существенного влияния на положение дворовых, в отличие от ст. 38 – 40, изложенных в Манифесте о проведении IX ревизии, по которым владельцам дворовых людей предоставили право обращаться с просьбами в местные казенные палаты о приеме дворовых в казенное ведомство, с получением денежного вознаграждения. Дворовые передавались в казну в полном составе с семейством, без всякого раздробления, при этом одинокие должны быть не старше 60 лет, не иметь увечий и неизлечимых болезней. Казенные палаты, получив подобные просьбы, делали распоряжения о причислении их к городским сословиям без согласия общества¹¹.

Многие владельцы не преминули воспользоваться этим нововведением. Так, коллежская ассесорша А.П. Гуляева 13 сентября 1850 г. просила о взятии в казенное ведомство находившихся при ее доме дворовых: Ивана Захарова, девки Прасковьи Федоровой с незаконнорожденным сыном Кириллом Васильевым и девки Аграфены Алексеевы. «Из них оставляю при себе одну только девку Аграфену Алексееву, прочих же ... желаю предоставить казне с получением вознаграждения»¹². Как правило, этим правом пользовались мелкопоместные дворяне, у которых не было земли.

В целом же численность дворовых на протяжении первой половины XIX в. была значительной. Вот что пишет Л.Д. Измайлов: «... имел попечение о благосостоянии крестьян и дворовых людей сии последние нам достаются от одного по наследству к другому, и от того они во множестве...»¹³. Наиболее точным источником для определения численности дворовых следует признать ревизские сказки, в которых выделялась отдельная категория «дворовые». На данный момент проведена работа по выявлению численности дворовых только в рамках одного уезда Рязанской губернии.

Таблица.

Численность дворовых и крепостных крестьян обоего пола Раненбургского уезда Рязанской губернии в первой половине XIX в.¹⁴

	1795 г.		1834 г.		1850 г.	
	Чел.	% ¹⁵	Чел.	%	Чел.	%
Дворовые мужчины (чел.)	1081	2,2	2253	3,2	1798	3,2
Дворовые женщины (чел.)	992	1,9	2124	3	1712	2,9
Крепостные крестьяне мужского пола (чел.)	24 027	48,3	33491	47,8	27 083	47,3
Крепостные крестьяне женского пола (чел.)	23 703	47,6	32314	46	26 702	46,6
Всего	49 803	100	70182	100	57295	100

Данные таблицы свидетельствуют, что процент дворовых вырос к середине столетия. В чем были причины роста численности дворовых? Проследим изменение числа дворовых на примере имения поручика Петра Дмитриевича Аничкова в с. Просечье. В 1795 г. это имение находилось во владении его отца секунд-майора Аничкова Дмитрия Сергеевича, число крепостных мужского и женского пола было по 158 человек, также совпадало число дворовых мужского и женского пола и равнялось 14¹⁶. В 1834 г. имение уже было в руках сына, число дворовых выросло до 30 и 27 соответственно, крепостных – 146 и 163 души. Отдельно было оговорено, что 3 дворовых были куплены с аукциона и 1 куплен - у генерал-лейтенанта Л.Д. Измайлова¹⁷. Основной прирост дворовых произошел, таким образом, за счет естественного прироста. В 1850 г. число дворовых мужского пола увеличилось и стало равняться 35, количество дворовых женского пола сократилось до 21. Число крепостных мужского пола выросло незначительно (до 171 человека), количество крепостных крестьянок немного сократилось (161 душа)¹⁸. За период с 1834 по 1850 г.

только один дворовый был куплен, таким образом и за этот период основной прирост происходил за счет естественного прироста населения.

Таким образом, основными причинами роста численности дворовых был естественный прирост.

Основными способами приобретения дворовых были: наследство, раздел, покупка, приданое, перевод из других мест или из крестьян. Обратим внимание на последний способ, он характеризует степень развития крепостного права в России. За период с 1834 по 1850 г. в Раненбургском уезде только девять дворовых были переведены из крестьян, т.е. в целом их число было не значительным.

Вопрос о проценте дворовых, отпущенных на волю, ещё предстоит решить, но предварительный просмотр данных позволяет говорить, что отпускали их чаще, чем крестьян. При этом отпускали с одним условием – «до смерти» владельца они должны были оставаться в услужении. Для этого помещик должен был составить соответствующий документ «отпускную», рассмотрим пример подобного документа. «Лета 1822 февраля 22 день, коллежский секретарь Николай Иванович сын Цемиров отпустил я на волю крепостного своего крестьянина Никиту Игнатова с женою Татьяною Филипповой, написанного по 7 ревизии за мною по Рязанской губернии Михайловской округи в селе Свистове с тем, чтобы при жизни моей быть ему при мне, а по смерти быть свободным избрать себе род жизни какой пожелает, наследникам же моим до него дела нет и ни по чему не вступятся. А наперед сей отпускнуой оный мой крестьянин никому другому не продан, не заложен, ни у кого ни в каких крепостях не уступлен, и на за что не отписан. А буде кто в него почему ни есть станет вступать, то мне Николаю и наследникам моим его Игнатова и наследников его от тех вступщиков и от всяких крепостей очищать по законам»¹⁹.

В данном случае Никита Игнатов уже на следующий год писал прошение на имя Николая I с тем, чтобы на основании отпускнуой ему разрешили избрать дальнейший род занятий и записаться в число пашенных солдат²⁰. После уточнения даты смерти помещика, на общем сходе слободы было решено принять Игнатова с семьей.

Причиной подобных отпусков на волю именно дворовых стоит искать в близости последних к семье помещика, которая, по-видимому, влияла и на то, что помещик мог становиться крестным у своих дворовых. Так часто поступали помещики Семеновы при этом в этом же приходе с. Урусово были и другие помещики, которые не склонны были становиться крестными детей своих дворовых. С 1823 по 1828 года шесть раз Семеновы становились восприемниками у своих дворовых, и за это время только два раза – у своих крепостных крестьян²¹.

У дворового человека Якова Абрамова дважды за этот период восприемником становился Николай Петрович Семенов²². А 14 октября 1828 г. помещик Василий Николаевич Семенов стал крестным у дочери Кирилла Дементьева, дворового человека помещицы Крапоткиной²³.

Подобные «тесные» связи между дворянами и их дворовыми людьми, тем не менее, не позволяют однозначно оценить отношения между ними.

С одной стороны, дворня была той категорией зависимого населения, которая активно участвовала в воспитании дворянских детей, да и в целом, в жизни дворян²⁴.

Но при этом «отношение к ним (к дворовым – Е.К.) часто напоминало отношение к домашним животным, которым достаются и сладкий кусочек, и поглаживание по шерстке, и пинок ногой, чтобы не раздражали и трепка веником, если провинятся»²⁵ - пишет В. Бокова. Часто помещики обращались жестоко со своими дворовыми, по имеющимся документам можно судить, что чаще чем с крестьянами. Основной причиной этого, на наш взгляд, является близость дворовых к помещику, да и экономическая ценность дворовых была не высока. Вот пример женской доли дворовой девки. Анна Горохова, дворовая Л.Д. Измайлова показала, что в 13 лет помещик насильно лишил её девственности, и 3 года была у них связь. После ее принуждали идти замуж за

крестьянина, чего она по не знанию никаких крестьянских работ сделать не могла. Но, наконец, сказали ей, что если «не пойдут замуж она и ещё другая бывшая под гневом дворовая девка Акулина Кузнецова, то сослать их на поселение, отчего она и пошла замуж, а Кузнецова была сослана на поселение»²⁶.

На основании имеющихся документов, можно предположить можно что, что к середине столетия предводители дворянства стали более внимательно относиться к жалобам дворовых. Так, в 1845 г. на дворянина Егорьевского уезда Виктора Даниловича Скобелкина поступила жалоба от его кучера Титова. После разговоров и с помещиком, и с кучером, уездный предводитель сделал внушение Скобелкину о «мере его прав, так и о перемене его с людьми обращения, представляя ему могущие от сего произойти худые последствия»²⁷. Другой пример, относится к более позднему периоду: «6 декабря (1852 г. – Е.К.) по Москве распространился слух. Что граф Закревский велел подать в отставку коменданту за то, что он наказывает людей ежедневно»²⁸.

Вот слова дворового относительно отношения к нему его хозяина из-за пропажи собаки «бил нас кулаками, говоря нам, чтобы мы шли отыскивали оную, если не найдете, чтобы вы мне не показывались на глаза, она ... и дороже в миллион раз вас», и во время предоставления отчета в употреблении овса на лошадей, «бил меня кулаками по лицу, произнося слова, «что я вам царь и бог»²⁹.

Может, эта жестокость в отношении дворовых и была причиной того, что неоднократно дворовые убивали своих помещиков. Вот, что якобы говорила дворовая женщина: «Какие Вы дураки не можете отравить одного барина, а я так свою барыню Авдотью Степановну, когда она после родов очистилась и ей в ягодах дала мышьяку у ней загло сердце, она и умерла, до сих пор ничего не вышло, все прошло»³⁰.

Важно отметить, что к концу первой четверти XIX в., для суда стало иметь значение обращение помещика со своими дворовыми людьми, даже в столь трагических случаях.

В отдельных случаях жестокое обращение порождало самоубийство, хотя сообщения об этом встречаются не часто. В 1818 г. в Рязани дворовый Е.А. Нееловой Анисим Алексеев «сделал себе рану на горле возле каменного моста», где его увидел частный пристав Шеин. Попытка самоубийства не удалась, во время следствия А.Алексеев сообщил, что ему от роду 20 лет, грамоты не знает, по 7 ревизии записан в Нижегородской губернии, но проживает в Рязани. Месяц назад управляющий заподозрил его в краже вещей, угрожая, что если не отыщутся, то госпожа отдаст его в рекруты. Испугавшись, он пошел к мосту, чтобы зарезаться. Неелова сказала, что по молодости лет всякое бывает, в результате Алексеева наказали 20 ударами плетью, и отдали обратно помещице³¹.

Дворовые понимали собственную бесправность, поэтому пытались самостоятельно «разобраться» с помещиками. «Терпя от князя жестокие побои, сопровождаемые всегда угрозами, что я вас всех отдам в солдаты, когда из вас сок выжму весь. Вследствие этого мы решились наказать его розгами – жаловаться мы на князя не могли, предполагая, что наши просьбы останутся тщетными, а только удвоим себе наказание от князя...»³².

Отношение к дворовым дворян было противоречивым – от уважения до презрения. А вот отношение к дворовым самих крестьян было значительно проще. У Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо?» в конечном итоге мужики говорят дворовому человеку:

Проваливай!
У нас вино мужицкое,
Простое, не заморское —
Не по твоим губам!

Приблизительно в том же ключе описывает свое отношение Ф.Д. Бобков, которого из деревни забрали в Москву, в услужение к господам. «В полутемной людской все ещё спали, и только слышался храп кучеров и дворников. Я, боясь нарушить покой, не вставал

и думал о том, как врут в деревне. Рассказывали, что дворовые не имеют покоя ни днем, ни ночью, а между тем, пока здесь храпят, в деревне самый плохой ткач успел уже наткать миткаля аршин 6, не меньше. ... Кликали меня Федькой. Мне это было очень неприятно»³³.

Экономически содержание дворни обходилось дорого, и сами дворовые это понимали. Так, упоминаемый выше дворовый Ф.Бобков писал, что «закупая все припасы, я увидел, как дорого стоит барыне содержание дворни»³⁴.

При расследовании жалоб крестьян и дворовых на своего помещика надворного советника С.М. Офросимова было расписано содержание дворни в с. Зеленево³⁵. Дворовые мужчины вышли из повиновения и стали жаловаться на своего помещика в том, что он сократил их содержание, недодавал платья, обуви и жалования на соль и крупу. При этом их жены были не согласны с мнением мужей, они считали, что помещик не притесняет из семьи. В процессе расследования, было выяснено, что каждая дворовая семья имела свой скот (1 или 2 коровы, несколько свиней и овец), который держали на господском корму, при этом численность дворового хозяйства была сопоставим с размерами крестьянского.

Вопрос об экономическом положении дворовых можно решить только при сплошном изучении материалов уездных судов. Так, в одном из дел описаны вещи, которые были украдены у дворового человека Г. Евсеева: денег – 150 рублей, и различного белья (общей стоимостью около 200 рублей), у дворового человека Е. Ипатьева: 95 рублей деньгами и платья (на общую стоимость около 150 рублей)³⁶.

Законодательные инициативы первой половины XIX в. не привели к существенному изменению положения дворовых, при этом правительство осознавало отличие данной категории населения от всех остальных слоев российского дореволюционного общества. Численность дворовых людей была значительна, и, по общему мнению, современников уменьшалась к середине XIX столетия, хотя данные по одному из уездов Рязанской губернии говорят об обратном. Дворовых в отличие от крестьян чаще отпускали на волю после смерти владельца, хотя нельзя, безусловно, говорить о массовости этого явления. Жестокость помещиков в отношении своих крепостных порождала пассивное (побеги, самоубийство) и активное (насилие) сопротивление дворовых людей. Дальнейшее исследование данной темы позволит создать образ «дворового человека» рязанского помещика.

¹ Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX в. М., 2003. С. 82.

² Таковую цифру называл Д.Н. Блудов на момент проведения восьмой ревизии. В.И. Семевский с этим был не согласен и ссылался на данные П.И. Кеппена по девятой ревизии, где численность дворовых составила - 519 416 душ м.п. //см.: Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII – первой половине XIX вв. Т. 2. СПб, 1888. С. 110.

³ Там же. С. 109 – 138.

⁴ Дубровин Н.О. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. XXX год. Кн. 1. Январь. 1899. С. 3 – 38 ; Николева М.С. Черты старинного дворянского быта. Воспоминания // Русский архив. 1893. Кн. 3. № 9. С. 107 – 120 ; № 10. С. 129 – 196.

⁵ Использованы материалы с сайта [Электронный ресурс] URL: <http://www.emc.komi.com/02/05/015.htm>. (дата обращения: 10. 05. 2010).

⁶ Бокова В. Отроку благочестие блюсти... Как наставляли дворянских детей. М., 2010. С. 63.

⁷ ПСЗ РИ. Собрание II. Т. VIII. № 6163.

⁸ ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XIX. № 13634.

⁹ Там же. Т. XXV. № 18353.

¹⁰ ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XIX. № 17 977, № 17 985.

¹¹ Там же. Т. XXV. № 23817.

¹² ГАРО. Ф. 129. Оп. 119. Т. 1. Д. 34 (9). Л. 1.

¹³ ГАРО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 581. Л. 15.

¹⁴ Источники: ГАРО. Ф. 129. Оп. 7. Д. 76-80; Оп. 32. Д. 139 – 144; Оп. 46. Д. 162, 167, 170, 171. Подсчет наш.

¹⁵ Соотношение данного вида крепостных крестьян к общей численности крепостных крестьян обоего пола.

¹⁶ ГАРО. Ф. 129. Оп. 7. Д. 80. Л. 43.

¹⁷ Там же. Оп. 32. Д. 139. Л. 17.

-
- ¹⁸ Там же. Оп. 46. Д. 167. Л. 1.
- ¹⁹ Там же. Оп. 108. Д. 58. Л. 2.
- ²⁰ Там же. Л. 1.
- ²¹ ГАРО. Ф. 627. Оп. 248. Д. 41. Л. 33.; Д. 42. Л. 7. ; Д. 43. Л. 3, Л. 6. ; Д. 58. Л. 7 об.
- ²² Там же. Оп. 248. Д. 40. Л. 48. ; Д. 42. Л. 5 об.
- ²³ Там же. Оп. 248. Д. 43. Л. 7.
- ²⁴ Там же. С. 60 – 79.
- ²⁵ Бокова В. Указ. соч. С. 65.
- ²⁶ ГАРО. Ф. 728. Оп. 1. Д. 581. Л. 71
- ²⁷ ГАРО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 92. Л. 1- 2.
- ²⁸ Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. М., 2006. С. 602.
- ²⁹ ГАРО. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1471. Л. 70 – 75.
- ³⁰ ГАРО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 582. Л. 3.
- ³¹ ГАРО. Ф. 728. Оп. 1. Д. 396. Л. 2.
- ³² Там же. Оп. 1. Д. 1471. Л. 76.
- ³³ Воспоминания ... С. 593.
- ³⁴ Там же. С. 600.
- ³⁵ ГАРО. Ф. 728. Оп. 1. Д. 543. л. 10 – 37.
- ³⁶ Там же Д. 494. Л. 45.